

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ТИВЕРЦЫ

*(Из итогов работы Славяно-днестровской экспедиции ИИМК
АН СССР в 1950 г.)*

В 1950 г. Славяно-днестровская экспедиция, организованная ИИМК АН СССР и Молдавским филиалом АН СССР, проводила разведки на территории Молдавской ССР по правому берегу Днестра и двух его крупнейших правобережных притоков — Ботны и Реута. Экспедицией открыто несколько десятков трипольских и скифских поселений, скифских и средневековых городищ и селищ и зарегистрировано свыше 200 скифских курганов.

Основной целью экспедиции было обнаружить и предварительно исследовать славянские памятники Поднестровья. До настоящего времени славянские памятники в Молдавии не только не исследовались, но, за небольшими исключениями, были еще вообще неизвестны, несмотря на длительные поиски и на то, что интерес к изучению древностей на территории Бессарабии (Молдавии) пробудился еще в первой половине XIX в.¹ Всего экспедицией открыто и подвергнуто предварительному исследованию 44 славянских памятника, из них: 16 селищ эпохи «полей погребений», 22 древнерусских селища и 6 древнерусских городищ.

•

Керамика эпохи «полей погребения» в северной части Молдавии была обнаружена еще Трипольской экспедицией 1947—1950 гг. Научным сотрудником Кишиневского музея Г. П. Сергеевым обнаружена керамика и гончарный горн эпохи «полей погребений» в средней части Молдавии, у села Слободзея-Душка. Им же открыта весьма интересная керамика типа переходного к древнерусскому в долине р. Бык, правого притока Днестра, у села Кобуска Веке.

Раннеславянские селища эпохи «полей погребений», открытые и обследованные экспедицией в 1950 г., расположены на правом берегу Днестра по всему молдавскому течению Днестра.

Обнаруженная на этих селищах керамика относится к Липецкой и к варианту Черняховской культуры. Она аналогична керамике этих же культур в междуречье Днестра и Днепра. Как известно, в соответствии с датировками, установленными в последние годы, керамика липецкого типа датируется последними веками до и первыми веками нашей эры, а следовавшая за ней керамика Черняховского типа

¹ Еще в 1837 г. были собраны по всей территории Бессарабии довольно подробные сведения о древних строениях, городищах, курганах и т. д. Дело это хранится в республиканском Молдавском историческом архиве за № 3087. св. 998, ф. II, опись 1.

II—VI вв. н. э. Для территории Нижнего Поднестровья у нас нет никаких оснований проводить какое-либо иное деление между липецкой и черняховской культурами, кроме чисто хронологического. На одних и тех же селищах нижние прослойки обычно содержат керамику липецкого типа (вазообразные сосуды на высоких ножках, небольшие кувшины с двумя ручками, пифосообразные сосуды и т. д.), а верхние — керамику черняховского типа (низкие разложистые миски, большие и средние одноручные кувшины, пифосообразные сосуды и т. д.). Переход от сосудов липецкого типа к сосудам черняховского типа осуществляется мягко и плавно, обе группы керамики генетически связаны друг с другом. Кроме того, имеется и ряд переходных типов, как, например, большие пифосообразные сосуды без горла, с прямым переходом от сильно отогнутого венчика к тулову, существующие во всех селищах эпохи «полей погребений». В Нижнем Поднестровье липецкий и черняховский этапы отражают лишь предыдущий и последующий периоды развития автохтонного раннеславянского населения. Напомним, что Иордан считал Днестр границей между антами и славянами (склафинами), причем на правом берегу Днестра помещал славян¹.

Селища эпохи «полей погребения» расположены обычно на склонах небольших лощин или балок, вблизи ручьев или ключей, иногда на надпойменной террасе или на самой пойме, обычно неподалеку от пахотной земли и лугов. Селища большей частью расположены на склонах лощин между двумя оврагами или в углу, образованном двумя оврагами или лощинами. Это как бы ограничивает территорию селища и служит ему некоторой естественной защитой.

В отдельных случаях размеры селищ достигают трех гектаров. Заложённые здесь шурфы показали, что культурный слой селищ равен в среднем 40—60 см и довольно насыщен. Самое расположение селищ свидетельствует о земледельческо-скотоводческом хозяйстве их обитателей. Об этом же говорит разнообразие форм керамики. Наличие ткачества засвидетельствовано глиняным пряслицем, найденным в Васенях.

В пяти селищах керамика «полей погребений» подстигается скифской керамикой² (Васиены, Славянка, Попены, Гора Ойдузулуй, Слободзея). Также в пяти селищах слой с керамикой «полей погребений» подстигает слой с древнерусской керамикой и переходными к ней формами (Крокмазы, Славянка, Сакаровка, Слободзея, Гырбово). Таким образом, на селищах Славянка и Слободзея керамика «полей погребений» находится между скифской и древнерусской керамикой.

Особенный интерес представляют селища Гырбово, Сакаровка и Кобуска Веке, на которых содержится керамика переходного типа от «полей погребений» к древнерусской, датируемая нами VII—IX вв. В Гырбово в культурном слое между подстилающей прослойкой с серолощенной керамикой, типичной для «полей погребений», и прослойкой с древнерусской керамикой имеется прослойка, содержащая довольно грубые гончарные сосуды с плохо заглаженной поверхностью без всяких следов лощения. Форма сосудов совершенно совпадает с формами серолощенных сосудов (сильно отогнутый венчик со срезанным верхним краем в виде широкой горизонтальной площадки, биконическая форма тулова и т. д.). Вместе с тем верхняя часть тулова покрыта древнерусским линейно-волнистым орнаментом. В данном случае не только орнамент, но и тесто сосуда и техника изготовления являются типичными для древнерусской керамики, в то время как форма сосудов сохраняет еще облик, характерный для «полей погребений».

¹ ВДИ, 1941, № 1, стр. 232.

² Все же, помимо общего местоположения, на этих селищах, как и на селищах древнерусских с подстилающим скифским слоем, не прослеживаются связи между скифской и славянской керамикой. На большинстве селищ скифская керамика представлена даже наиболее ранними формами и формами киммеро-скифского периода. Таковы сосуды, у которых под венчиком имеется налупный валик с рядом углублений, сосуды с налупными валиками и скрепляющимися с ними под различными острыми углами налупными полосами и т. д.

Селище Сакаровка имеет культурный слой мощностью 40—60 см. В нижней прослойке содержатся фрагменты серолащенной и серой нелощенной керамики «полей погребений». Верхняя прослойка содержит древнерусскую керамику с линейно-волнистым орнаментом. Между ними имеется прослойка, в которой найдены фрагменты тонкостенных сосудов хорошего обжига. Сосуды четко профилированы, не лощены, и по тесту, обжигу, цвету, а также по технике изготовления весьма близки к керамике «полей погребений». Вместе с тем они покрыты линейно-волнистым орнаментом, причем орнамент этот в точности совпадает с орнаментом древнерусской керамики из селища и городища у села Екимаяцы. Керамика из селищ Гырбова и Сакаровка — переходная от «полей погребений» к древнерусской керамике — и датируется VII—VIII вв.

В селище Кобуска Веке, наряду с серолащенной керамикой, содержатся сосуды переходных форм. Венчик их слабо профилирован. Все тулово (или его верхняя часть) покрыто редким волнистым орнаментом, а по ободку венчика — косой насечкой. Датируются эти сосуды VIII—IX вв.

Таким образом, на правобережье Днестра раннеславянская культура эпохи «полей погребений» в VI—IX вв. постепенно переходит в древнерусскую культуру. Древнерусские племена на территории Молдавии — не случайные поздние пришельцы в Среднем и Нижнем Поднестровье, а коренное исконное население, органически связанное с предшествующим славянским населением.

*

Вторая и третья категория славянских памятников, открытых экспедицией, относится к более позднему времени. Это древнерусские селища и городища IX—начала XII вв. Как известно, летописи помещают на Днестре два древнерусских племени — уличей и тиверцев. К какому же из этих племен относятся открытые нами памятники?

Б. А. Рыбаков недавно с исчерпывающей полнотой исследовал все письменные источники, касающиеся уличей, и убедительно показал, что они лишь после взятия Пересечена в 940 г. передвинулись из Поднепровья в Поднестровье¹. Возможно, что передвинувшись в Поднестровье, уличи основали здесь новый Пересечен в память о своей прежней столице, взятой Свенельдом. Такое предположение высказал еще С. М. Соловьев². Однако уличей в Поднестровье, видимо, следует искать не на правом, а на левом берегу Днестра, так как летопись сообщает: «И беша седяще Уличи по Дънепру въязъз (до взятия Свенельдом Пересечена. — Г. Ф.), и по семь преидоша межю Бъзь и Дънестръ, и седоша тамо»³. Древнерусские поселения IX — начала XII вв., как показано выше, органически через переходные формы VII—IX вв. связаны с более ранними славянскими поселениями эпохи «полей погребений», а потому принадлежат не уличам, а коренному славянскому населению Поднестровья — тиверцам. Более или менее остроумные догадки Барсова, Середонина и других специалистов по исторической географии, помещавших тиверцев и уличей то на правом, то на левом бе-

¹ Б. А. Рыбаков, Уличи, КСИИМК, XXXV. Им же доказано, что Пересечен, который осаждал Свенельд, находился не на территории Молдавии, где его обычно помещают в исторических географиях, а в Поднепровье, ниже Киева, на Днепре или на Стугне. Археологические разведки, проведенные нами в 1950 г., полностью подтвердили мнение Б. А. Рыбакова. Тщательное обследование местности в районе села Пересечена Оргеевского р-на Молдавской ССР, которое обычно связывают с летописным Пересеченом, показало, что там нет никаких следов древнего поселения.

² С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, 2-е изд., т. I, стр. 48—49. Соловьев без каких-либо оснований отождествлял село Пересечину с, возможно, существовавшим улическим новым Пересеченом в Молдавии.

³ А. А. Шахматов, Повесть Временных лет, Пгр., 1916, стр. 373.

регу Днестра, были совершенно необоснованы ввиду их полной археологической неисследованности. В результате работ Славяно-днестровской экспедиции можно считать установленным, что тиверцы занимали территорию на правом берегу Днестра.

Письменные источники, касающиеся тиверцев, еще более скудны, чем те, которые относятся к уличам, и ограничиваются почти одними только отрывочными данными из летописей. Повидимому, тиверцы занимали обширную территорию, простиравшуюся по Днестру до моря и доходившую на запад до Дуная¹. В летописи тиверцы упоминаются уже при Олеге под 885 г. Олег, подчинив полян, древлян, северян и радимичей, «с уличи и тверцы имеши рать» (там же, стр. 21). Эта война закончилась, повидимому, признанием тиверцами верховной власти киевского великого князя. В походе 907 г. на Царьград Олег в составе своего войска имел в числе других древнерусских племен и тиверцев, правда, лишь еще на положении союзников².

Позже в походе Игоря на Царьград в 944 г. тиверцы участвовали уже как составная часть войска, в то время как наемные союзники — печенеги — особо оговариваются в летописи (там же, стр. 33 сл.). При этом после похода Игорь со своим войском возвратился в Киев, а своим союзникам, печенегам, поручил «воевати Болгарскую землю». Тиверцы в данном случае совершенно не выделялись из других древнерусских племен, подчиненных киевскому великому князю. Видимо, в середине X в. они уже прочно входили в состав Киевского государства. Анонимный Баварский географ конца IX в. «многочисленному народу» уличей приписывает 318, а тиверцам — 148 городов³.

В последующем тиверцы в летописях особо не упоминаются. Видимо, как и ряд других древнерусских племен Киевской Руси, они утратили свое племенное название. Таким образом, летописные сведения о тиверцах и вообще о славянах Поднестровья, скудны, отрывочны и не заходят дальше середины X в. Тем большее значение имеет изучение памятников их материальной культуры.

Славяно-днестровской экспедицией открыто 22 древнерусских селища в Молдавии на правом берегу Днестра, от Гырбово на севере до Олонешти на юге. Из них восемь расположено в пойме Днестра, а остальные — на его притоках. Древнерусские селища по своему местоположению не очень отличаются от селищ эпохи «полей погребений». Они также расположены на склонах надпойменных террас или лоцин, среди пахотных полей, возле леса и лугов (часто пойменных), также ограничены обычно с двух сторон овражками или балками, по дну которых часто протекают ручьи. Отличают их от селищ эпохи «полей погребений» большие размеры (до 3—4 га), часто более близкое размещение друг от друга, а также то, что они нередко расположены вокруг городищ, которые как бы господствуют над ними. Например, в радиусе пяти километров от городища Алчедар расположено девять селищ. Древнерусские селища расположены, как правило, на более возвышенных местах, чем селища предыдущей эпохи.

Как уже было указано, на пяти из этих селищ культурный слой, содержащий древнерусскую керамику, подстилается прослойкой с керамикой «полей погребений», а на трех селищах имеются и переходные между ними формы. На 13 селищах слой с древнерусской керамикой подстилается предматериковой прослойкой, содержащей скифскую керамику, а на восьми селищах поверх слоя с древнерусской керамикой имеется слой со средневековой молдавской поливной полихромной керамикой. Керамика селищ, находящихся вблизи от городищ, в точности соответствует городищенской (например, Алчедар и Екимауцы). Культурный слой на селищах достигает 50—60 см, причем часто бывает сильно нарушен распашкой. В культурном слое содержится зола, уголь, керамика, отходы керамического производства и металлургического производства,

¹ Повесть Временных лет, М.—Л., 1950, т. I, стр. 14.

² Там же, стр. 23 сл. С. М. Середонин и ряд других историков без мотивировки, а Б. А. Рыбаков с убедительной аргументацией показали, что термин «толковины», примененный в данном случае летописцем к тиверцам, значит не «переводчики», как это считалось ранее, а именно «союзники».

³ P. Š a f a r j k, Slowanske Starožitnosti, Прага, 1837, стр. 550 сл. и 996 сл.

шлак, руда, сыродутный горн, тигель (Требужены), кости домашних животных, жернова, большие глиняные сковороды и т. д.

На юге Молдавии древнерусская керамика имеет архаический облик, грубое тесто, плохой обжиг и датируется, видимо, временем не позднее IX в. (Раскаецы). В центральной и северной Молдавии древнерусская керамика датируется самое позднее XI—началом XII в. Наиболее развитые формы древнерусская керамика имеет в междуручье Днестра и Реута, где расположены все шесть открытых древнерусских городищ. Видимо, на степном юге Молдавии, в приморском районе, славянские поселения существовали лишь до IX, может быть начала X в., а центром или во всяком случае одним из центров древнерусской культуры в Молдавии был лесостепной район междуручья Днестра и Реута.

Древнерусские селища обычно вытянуты вдоль реки или ручья. Ниже их, как правило, находятся заливные луга, выше — пашня, а еще выше лес. Территория селища ограничена двумя оврагами, балками или мысом при слиянии двух рек (Устье). Жители, вероятно, занимались земледелием, скотоводством, гончарным и, частично, железоделательным ремеслом.

Все обследованные древнерусские городища (Пояна Городка, Алчедар, Екимауцы, Царевка, Лукашевка и Машкауцы) относятся к тому же времени, что и селища и расположены примерно в таких же географических условиях. Кроме того, на ряде скифских городищ найдены фрагменты древнерусской керамики. Однако они там не составляют культурного слоя и встречены в незначительном количестве, так что мы не решаемся отнести эти городища к древнерусским. Возможно, что это были скифские городища, на которых более или менее длительное время позднее селились славяне.

Городища, как правило, овальной формы; они расположены на склонах пологих лоцин, возле многочисленных ключей и родников, недалеко от леса и окружены пахотной, черноземной землей. Неподалеку от городища расположено обычно несколько селищ с керамикой, однородной городищенской. На площадке городища находится обычно небольшой водоем, питаемый ключами. Диаметр городища колеблется от 200 × 180 м (Пояна Городка) до 50 × 60 м (Царевка). Толщина культурного слоя составляет от 40 до 180 см. Как правило, городища основывались на местах прежних трипольских или скифских поселений. Небольшая прослойка, содержащая трипольскую или скифскую керамику, обычно подстилает основной древнерусский слой. Кроме того, трипольская и скифская керамика содержится также в насыпи валов. При оплывании и распашке валов эта керамика в небольшом количестве попадает на поверхность площадки городища или в верхний аморфный слой. Городища окружены земляными валами, высотой от 1 до 4 м и рвами глубиной до 4,5 м при ширине 5—7 м. Валы обложены с внутренней части камнями (Екимауцы) или обожженной глиной (Екимауцы, Пояна Городка, Лукашевка). Судя по содержанию культурного слоя, городища можно датировать IX—началом XII в.

Данные разведки не позволяют с уверенностью расчленить древнерусский слой на определенные прослойки, хотя и возможно предполагать наличие двух строительных периодов, из которых первый относится к IX—X вв., а второй — к XI—XII вв. На существование двух прослоек указывает разделяющая их вымостка из известняка, некоторые различия в керамике и других находках. Видимо, наиболее древними следует считать городища: Машкауцы, Екимауцы и Царевку (IX—начало XI вв.), несколько более поздними являются: Алчедар, Пояна Городка и Лукашевка (X—начало XII вв.). Городище Машкауцы, судя по его расположению (на мысу коренного берега Реута), укреплениям (характерный полукруглый вал) и мощному подстилающему скифскому слою, а также архаической по облику древнерусской керамике, вероятно, было первоначально скифским городищем. Возможно, что скифским было первоначально и городище Пояна Городка, позже перестроенное славянами.

Приведем в качестве примера одного из обследованных городищ городище, расположенное в 2 км севернее села Екимауцы, на склоне широкой и пологой лоцины, которая переходит ниже в большой овраг, выходящий к Днестру. К югу от городища, за валом, расположено трипольское поселение, обследованное в 1947 г. Т. С. Пассек. Воз-

можно, что городище возведено на части этого поселения овальной формы, вытянутой с запада на восток. Диаметр городища равен 60×86 м. На том же склоне, где расположено городище, но выше его, была обнаружена древнерусская керамика, а на противоположном склоне расположено древнерусское селище. В 2 км к северу расположено другое древнерусское городище — Царевка.

На городище Екимауцы было заложено два шурфа размерами 4×4 м и $4,5 \times 6$ м. В шурфе № 1, на глубине 20 см, среди керамики с линейно-волнистым орнаментом был найден серебряный диргем начала X в., четко датирующий слой (диргем Исмаил ибн Ахмеда, чеканенный в Самарканде в 291 г. хиджры, т. е. в 913—914 гг. н. э.). Кроме того, в шурфе № 1 найдена круглая медная бляшка, возможно, матрица, с изображением розетки на лицевой стороне и гладкой обратной стороной, железные черешковые, листовидные и ромбовидные стрелы X—XI вв., многие из которых напоминают гнездовские, и другие изделия. Культурный слой в шурфе № 1 мощностью до 75 см.

В шурфе № 2 содержалась, как и в первом пласте шурфа № 1, преимущественно тонкостенная, хорошо профилированная и заглаженная керамика алчедарского типа, хорошо датируемая XI в. В последующих пластах характер керамики несколько изменился — обжиг грубее, тесто несколько хуже отмучено, наряду с примесью шамота в нем попадает примесь крупнозернистого песка. Керамика частично напоминает алчедарскую керамику самого нижнего горизонта, но имеется керамика еще более архаического типа, толстостенная (до 1,3 см), довольно плохого обжига, коричневатая, желтая и черная, без поддонов. Помимо крупнозернистого песка, в глине имеются какие-то минеральные золотистого цвета включения, придающие посуде нарядный вид, несмотря на некоторую грубость отделки. Блестящая поверхность сосудов несколько напоминает керамику с Немировского городища на Украине. Венчики самой разнообразной формы от прямых, очень слабо выраженных, до четко профилированных с различным углом отгиба и валиком по наружной стороне. Иногда под венчиком сосуды украшены широкой каймой точечного, вдавленного орнамента, а под ним — комбинация линейно-волнистого орнамента; последний решительно преобладает. Глина довольно хорошо отмучена. На доньшках имеются клейма в виде креста, круга, креста в круге и т. п. На ряде сосудов из нижних пластов имеется орнамент, в точности совпадающий с орнаментами сосудов VII—VIII вв. из селища Сакарровка. Форма сосудов весьма разнообразна. Профили слоя очень простые, их отличительной чертой является плавный переход от венчика к тулову. Наибольшая ширина сосуда приходится несколько выше середины тулова, в то время как у керамики XII—XIII вв. наибольшая ширина приходится на верхнюю часть тулова, под плечиками. К тому же керамика XII—XIII вв. никогда не имеет характерного золотистого блеска.

Таким образом, нам кажется, что основной слой Екимауцкого городища относится к IX—X вв. и лишь верхний пласт — к XI в. Именно в этом основном слое на глубине 40—150 см найдены, помимо керамики, кусок печины с отпечатками ткани плотняного переплетения, еще один диргем, представляющий собой подражание диргему Исмаил ибн Ахмеда, одно грубое подражание серебряному диргему, железные черешковые стрелы IX—X вв., напоминающие гнездовские, ножи, два бронзовых перстня со вставными стеклами, обломки жерновов. Особого внимания заслуживают два гладких височных кольца из серебряной проволоки, серебряная серьга с пятибусинными зернеными группками-розетками, из которых одна представляет собой привесок, а четыре остальные жестко закреплены на стержне кольца. Данная серьга имеет некоторое сходство с серьгой из кургана на р. Стубле¹, датируемой X в., с серьгами на Вольнском Полесье², датируемыми IX—X вв., а также с Блужинскими чешскими серьгами IX—X вв.³ Екимауцкая керамика также похожа на чешскую керамику IX—X вв. Наиболь-

¹ Е. Н. М е л ь н и к, Дневники раскопок в земле Лучан, Труды XI Археологического съезда в Кисеве, 1899, т. I, М., 1901, стр. 514, табл. VI, рис. 10.

² В. В. А н т о н о в и ч, Раскопки в стране древлян, МАР, № 11, стр. 21, фиг. 20.

³ J. P o u l i k, Staroslovanska Morava, Прага, 1948, табл. XLII, рис. 7, 8; керамика, табл. III—XIV и др.

шее сходство данная серьга имеет с двумя серьгами из женского погребения, найденного, по некоторым предположениям, в Києве, и серьгами из Копиевского клада Винницкой области («Археологія», II, 183 сл.). Л. А. Голубева, недавно опубликовавшая и описавшая эти серьги, датирует их IX—X вв.¹ Судя по изданным Л. А. Голубевой экземплярам, у нашей серьги или височного кольца утрачена зерновая нижняя часть привески. Серьги сходного вида (кольцо с привеской), как это считает Г. Ф. Корзухина, «... группируются в том же ряду, что и лопатные бусы, т. е. на правом берегу Днепра и заходят далеко на запад»². Обнаруженная нами серьга или височное кольцо и приведенные выше аналогии подтверждают это мнение. Нахождение нашей серьги в точно зафиксированном слое тиверского Екимавецкого городища позволяет отнести серьги этого типа именно к тиверцам. Если же допустить, что серьги из собрания ГИМ были найдены в Києве, то это свидетельствует об общении в IX—X вв. между славянами Поднестровья и Поднепровья.

Кроме вышеописанных предметов, в культурном слое найдены различные костяные проколки, глиняные пряслица, костяное яйцо натуральной величины и две серебряные бляшки-подвески для ожерелья со звездчатым орнаментом, сделанным великолепной зернью (глубина 136 и 122 см.). Эти бляшки очень напоминают бляшки, найденные в гнездовском клада 1868 г. и датируемые IX—X вв. Кроме того, в культурном слое городища найдены железные ножи, крюк, дужка от ведра и другие железные предметы, круглые стеклянные бусы из прозрачного и синего стекла, сердоликовые бусы, медная пластинка, медная проволока, жернова и т. п. На глубине 110—120 см найдены обломки жерновов и печины, а также зерна ржи, пшеницы, гороха, проса. На глубине 150—160 см суглинок переходит по всей площади шурфа в материковую глину и лишь в северо-западном углу шурфа имеется большая овальная яма, наполненная углем, золой, керамикой, зернами пшеницы и обломками жерновов. Согласно исследованиям А. В. Кирьянова, зерна Екимавецкого городища датируются IX—XI вв. А. В. Кирьянов пришел к выводу, что основную роль в сельском хозяйстве тиверцев играла рожь, а также мягкие сорта пшеницы, затем просо, горох и ячмень. Землеобрабатывающие орудия тиверцев имели железные рабочие части, а система земледелия была переложной с краткосрочными перелогамы сначала проса или пшеницы, а затем ячменя или гороха. Земледелие было плужным, и пахота производилась тяжелыми плугами. А. В. Кирьянов отметил, что раскопки в Екимавцах открывают совершенно новую страницу в истории земледелия славян IX—XI вв. Преобладание зерен пшеницы и проса, вероятно, является не случайным, как это явствует из сопоставления с письменными источниками. Например, Маврикий Стратег, правда, для более раннего времени, описывая быт славян и антов, сообщает: «У них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности п р о с а и п ш е н и ц ы»³.

Исследовавший кости Екимавецкого городища В. И. Цалкин отметил, что все они принадлежат домашним животным, из них 62% лошадям, 20% коровам, 14% — свиньям и 3% — мелкому рогатому скоту. Бросается в глаза необычайно высокий для славянского городища процент лошадиных костей, принадлежащих к тому же не низкорослым степным, а крупным, породистым лошадям. Повидимому, тиверцы в IX—XI вв. широко пользовались породистыми лошадьми.

Подводя итоги, следует отметить, что Екимавецкое городище IX—XI вв. является одним из интереснейших памятников материальной культуры славян Поднестровья и должно быть возможно полнее исследовано.

На всех селищах, начиная с эпохи «полей погребений» и вплоть до древнерусских городищ, во всех слоях неизменно встречается керамика, сделанная на гончарном кругу. Это не может быть случайным. Несомненно, что у славян Нижнего Поднестровья

¹ Л. А. Г о л у б е в а, Киевский некрополь, МИА, XI, стр. 107, фото 5, правая фигура.

² Г. Ф. К о р з у х и н а, О технике тиснения и перегородчатой эмали в древней Руси X—XII вв., КСИИМК, вып. XIII, стр. 50.

³ «Хрестоматия по русской военной истории», М., 1947, стр. 6.

гончарный круг непрерывно существовал с древнейших времен. Интересна эволюция славянской керамики. В первые века нашей эры широкое распространение получает превосходно сделанная, изготовленная на ножном гончарном кругу лощеная керамика с поддонами в виде кольцевых валиков, часто с жесткими, биконическими, как бы подражающими металлу формами. Часто встречаются изысканные формы сосудов: вазочки на высоких ножках, изящные кувшинчики с двумя ручками и т. д. В III—IV вв. н. э. начинается «варваризация» этой керамики, идущая наряду с некоторыми ее усовершенствованиями. Исчезают изящные, утонченные формы и поддоны, деградирует, а затем и вовсе прекращается лощение, тесто становится грубее, не видно биконических сосудов, а также всех жестких форм, как бы подражающих металлу. Вместе с тем увеличивается насыщенность культурного слоя в славянских поселениях. Преобладают большие и средние горшки и простые одноручные кувшины, с плавными переходами от широкого горла к раздутому тулову с широким, устойчивым дном; примесь дресвы и песка повышает упругость сосудов, в результате чего они часто доходят до нас в больших фрагментах. В это же время происходит нивелировка различий между керамикой «полей погребений» по всему Нижнему Поднепровью.

Затем, в VI—VIII вв. начинает появляться линейно-волнистый орнамент, керамика все более начинает напоминать древнерусскую и, наконец, в VIII—IX вв., одновременно с возникновением древнерусских городищ, переходит в обычную древнерусскую керамику, которая и по форме, и по технике изготовления, и по орнаментам продолжает совершенствоваться на протяжении всего известного нам в Нижнем Поднепровье периода своего существования, вплоть до начала XII в.

Чем объяснить такую эволюцию славянской керамики в Нижнем Поднепровье при установленном факте непрерывного существования в этот период автохтонного, устойчивого славянского населения? Ответ на этот вопрос могут дать лишь большие систематические раскопки. Однако прослеженная нами на основании разведочных данных эволюция позволяет высказать по этому вопросу некоторые предварительные соображения в виде рабочей гипотезы.

Вышеописанная керамика первых веков нашей эры могла быть сделана лишь при далеко зашедшей специализации ремесла, возможной только в условиях значительного социального неравенства, при наличии элементов классового общества. Например, применение ножного гончарного круга, рассчитанного на широкий рынок сбыта продукции, возможно лишь при значительном разделении труда.

Каким же могло быть общество того времени у славян Нижнего Приднепровья? Еще Б. А. Рыбаков высказал мысль о развитии рабовладения у ранних славян. Если мы предположим, что у славян Поднепровья, живших в пределах римской провинции Дакия и на ее границах, в борьбе с римской рабовладельческой империей в рамках первобытно-общинного строя зародился примитивный рабовладельческий уклад, тогда понятными станут и утонченные керамические формы, и применение ножного гончарного круга, а также лощение и жесткие формы, как бы подражающие в глине металлу. Образцами могли служить сосуды из Ольвии или какого-либо другого крупного рабовладельческого города Причерноморья. О возможности существования у юго-западной части восточного славянства примитивно-рабовладельческого уклада в первые века нашей эры говорят и многочисленные находки римских монет, привозных амфор и других изделий, свидетельствующих о широком развитии торговли, возможном лишь при относительно далеко зашедшей социальной дифференциации. Об этом свидетельствуют и некоторые письменные источники, указывая и на источники получения рабов (военнопленные) и на примитивный характер рабовладения. Так, например, Маврикий Стратег, описывая быт славян и антов в VI в., сообщает: «Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая (срок рабства. — Г. Ф.) определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться во-свои, или остаться там (где они находятся. — Г. Ф.) на положении свободных и друзей».

В III—V вв., когда пришли в движение огромные массы «варваров», в том числе и

славян, объединившихся в общей борьбе против рабовладельческой империи, когда эти «... не-римляне, т. е. все „варвары“, объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим»¹, вместе с падением власти рабовладельческой империи на огромной территории был свергнут рабовладельческий строй. Этому периоду соответствовала и некоторая «варваризация» материальной культуры, в том числе и керамики: исчезновение утовченных форм, лощения и ножного круга, отсутствия керамического подражания в глине металлической посуде, но зато за счет некоторого огрубения внешнего вида, мы имеем увеличение прочности, преобладание простых форм, более всего необходимых в обиходной жизни, нивелировку, сглаживание местных различий в результате перемещения и объединения больших масс восточного славянства, создания племенных союзов в IV—VI в. Напомним, например, что Прокопий Кесарийский, говоря о делении в VI в. славянства на антов и славян, сообщает, что еще недавно они были едины и назывались общим именем — споры².

Известную роль в «варваризации» материальной культуры могли сыграть и передвижения славян в Поднепровье и Поднестровье с севера и северо-востока, где сохранился относительно более примитивный уклад, а также нашествия гуннских и других орд кочевников. Некоторая «варваризация» материальной культуры, как, например, возвращение от ножного гончарного круга к ручному, сопровождалась распадом первобытно-общинного строя, выделением ремесел и т. п. для гораздо большей массы славянства, чем это имело место в первые века нашей эры.

В VI—VIII вв. постепенное укрепление феодальных отношений, дальнейшее выделение и усовершенствование ремесел приводит к новому подъему материальной культуры, в том числе и керамики, но уже на новой социально-экономической основе феодализирующегося общества. Это ведет к временному нарушению, а затем усилению восточнославянского единства, что нашло свое отражение и в материальной культуре. В раннефеодальный период IX—XII вв. материальная культура, в том числе и керамика, переживают уже новый расцвет; явно заметно возвращение к ножному кругу, выработка новых изящных форм и орнаментов и т. д.

Такова, с нашей точки зрения, предварительная рабочая гипотеза, объясняющая эволюцию материальной культуры юго-западной части восточного славянства в первом тысячелетии нашей эры.

Археологические находки дают нам основание для некоторых исторических выводов. Тиверские городища территории Молдавии существовали в IX—XI в, может быть, в начале XII в. Сильно насыщенный культурный слой указывает на интенсивность местной жизни. Хорошие ювелирные и другие изделия свидетельствуют о развитии материальной культуры. На городищах существовали ювелирное, оружейное, медно-литейное, гончарное, костерезное, керамическое и другие ремесла, что предусматривает довольно значительную дифференциацию этих ремесел, возможную лишь при классовом обществе, которое может быть определено как дофеодальное или раннефеодальное. Об этом же говорят и мощные укрепления городищ, и наличие вокруг них, как бы подвластных им, селищ. С этой точки зрения интересны также находки диргемов и подражаний им. Небольшие размеры городищ доказывают, что они относятся к ранней ступени градостроительства и были главным образом военно-административными и ремесленными центрами. Наряду со своеобразными формами некоторых украшений, как, например, серег, изделия тиверских мастеров похожи на изделия других древнерусских ремесленников (например, зерновые подвески и сердоликовые бусы) и имеют ярко выраженный общерусский характер. Связь с центром Киевской Руси подтверждается наличием в культурном слое городищ шиферных овручских пряслиц (Алчедар) и рядом других признаков. Значительных успехов достигло у тиверцев и земледелие, что нашло свое отражение в использовании тяжелых плугов и в большом количестве возделываемых культур. Успехов добилось и скотоводство, в том числе и разведение высокопородистых лошадей.

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 432.

² Прокопий, Война с готами, III, 29, стр. 297.

Одним из центров русской культуры и, может быть, государственности на Днестре был лесостепной район междуречья Днестра и Реута. Славянские памятники в этом районе показывают в непрерывном культурном слое эволюцию материальной культуры от начала нашей эры до XII в. Таким образом, может быть отброшена, как неверная, довольно распространенная версия о том, что славяне либо вообще не жили в Поднестровье, либо неизвестно откуда появились, а затем быстро и бесследно исчезли в IX—X вв. Это опровергает устойчивая, развитая и долговременная материальная культура славян Поднестровья. Фактическим материалом опровергается и другая, столь же неверная точка зрения, высказанная наиболее ярко покойным акад. Ю. В. Готье: «Исчезновение уличей и тиверцев, как самостоятельных племен, обычно ставят в связь с нашествием угров и печенегов, и нет основания сомневаться в такой связи»¹. Можно считать установленным, что, по крайней мере до начала XII в., на территории Молдавии существовало устойчивое русское население, имевшее многочисленные поселения и ряд укрепленных городов.

Блестящее подтверждение в памятниках материальной культуры получили недавно указания русских летописей о существовании древних русских городов не только в Поднестровье, но и на реках Прут и Дунай. В Румынской народной республике 12 марта 1951 г. был опубликован правительственный указ о награждении государственной премией большого коллектива археологов за открытие славянского городища в местечке Гырван в области Галац и за раскопки части этого городища. Таким образом, назревший вопрос об исследовании памятников материальной культуры славян на Днестре, Пруте и Дунае, благодаря совместным усилиям советских и румынских археологов, стал на путь практического разрешения.

Г. Б. Федоров

¹ Ю. В. Готье, Железный век Восточной Европы, М.—Л., 1930, стр. 224.